

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-18-33
EDN: YTMPXH

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ МИГРАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Моисеева Е. М.^{*}, Мищук С. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1)

^{*}E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 24–28–01046. – URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01046/>.

Для цитирования:

Моисеева Е. М., Мищук С. Н. Региональные особенности возрастной структуры миграции на Дальнем Востоке России // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 4. – С. 18–33. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-18-33; EDN: YTMPXH

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена большой ролью миграции в формировании населения Дальнего Востока России на фоне продолжающегося сокращения его численности. Количественный и качественный анализ целевых групп, включая возрастные группы постоянного населения и мигрантов, повышает эффективность миграционной политики, усиливая её адресность. Статья основана на демографическом подходе, позволяющем оценить изменения и взаимосвязь основных демографических характеристик разных категорий населения Дальнего Востока. Целью исследования является изучение возрастного профиля мигрантов и влияния миграции на возрастную структуру постоянного населения регионов Дальнего Востока на современном этапе. Эмпирическую базу составляет массив вторичных данных Росстата за 2018–2022 гг. с детализацией по возрастам, субъектам Дальневосточного федерального округа и территориям входа и выхода мигрантов. Для обработки данных используются статистические методы: анализ абсолютных и относительных величин, расчёт коэффициентов, кластерный анализ. Выделенные группы регионов отражают общее и особенное в миграции их населения разных возрастов: уровень территориальной мобильности, объёмы и направления перемещений, результативность данных процессов, степень их влияния на возрастную структуру постоянного населения. Полученные результаты позволили выявить региональные особенности возрастного профиля миграции в Дальневосточном федеральном округе и оценить её роль в формировании постоянного населения, а также сформулировать ряд гипотез относительно вероятных факторов, определяющих интенсивность и направления перемещений населения разных возрастных групп в рассматриваемых регионах. Показано, что большинство регионов вне зависимости от результативности миграционных процессов объединяет выбытие молодёжи 15–19 лет, приток населения в молодом трудоспособном возрасте (20–24 года и старше в части регионов) и интенсивный отток мигрантов предпенсионного и пенсионного возраста после завершения трудовой деятельности.

Ключевые слова: миграция, постоянное население, возрастная структура, кластерный анализ, региональные особенности, Дальний Восток.

Введение

Сокращение численности населения Дальнего Востока создаёт потенциальные риски для ситуации в макрорегионе и России в целом. По мнению специалистов в области пространственного развития, значительные диспропорции в демографических показателях регионов негативно сказываются на территориальной, социально-экономической и политической связанности страны. Сокращение численности населения трудоспособного возраста может замедлить темпы развития экономики, в особенности трудоёмких третичного и четвертичного секторов, помешать выполнению программ социального обеспечения и защиты граждан. В 2017 г. была утверждена «Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года». Основной упор в ней делается на задачах повышения рождаемости, брачности, укрепления репродуктивного здоровья населения. Конкретные меры миграционной политики региона в концепции не обозначены, в то время как миграционный приток населения является необходимым условием улучшения демографической ситуации в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), о чем свидетельствуют данные статистики [1].

Эффективность и результативность миграционной политики как части демографической, а также экономической политики во многом зависит от правильного выбора целевой группы, не исключая и постоянное население. Не менее важным является структурный анализ данных целевых групп в разрезе возрастных групп, что объясняется разными причинами, направлениями и масштабами их экономической, социальной и миграционной активности. В рамках данного исследования нами поставлена задача изучения возрастного профиля мигрантов и влияния различных потоков миграции на возрастную структуру постоянного населения территорий Дальнего Востока в период с 2018 по 2022 годы. Исторически население макрорегиона отличается более молодое население, чем в среднем по России, однако в последние десятилетия оно ста-

реет опережающими темпами. Так, с 2000 по 2022 гг. доля населения младше трудоспособного возраста в ДФО уменьшилась на 1,5 процентных пункта (п.п.), трудоспособного возраста — на 4,8 п.п., а за тот же период по РФ сокращение данных групп населения составило 0,9 п.п. и 3,2 п.п. соответственно. Учитывая, что суммарный коэффициент рождаемости на Дальнем Востоке остается более высоким, чем в среднем по стране (1,6 против 1,4), можно заключить, что большую роль в изменении возрастной структуры ДФО играет миграция. При этом, несмотря на обширный перечень научных публикаций, посвящённых анализу миграционных процессов в исследуемом регионе в постсоветский период, для многих из них характерен генерализованный подход. При широком перечне направлений и подходов изучения миграции на Дальнем Востоке в большинстве работ объектом исследования выступают потоки мигрантов без дифференциации по возрасту [2–5].

Обзор литературы

Возрастная структура постоянного населения в сочетании с экономическими, социальными, природными факторами оказывает влияние на динамику миграции и наоборот. Учитывая роль миграционных процессов в формировании численности населения и обеспечения специалистами рынка труда, значимость приобретает изучение возрастной структуры мигрантов, включая потоки внутривосточной и международной миграции, в том числе в разрезе безвозвратных и трудовых мигрантов. Рассматривая различия возрастных профилей миграционных потоков, зарубежные авторы отмечают их связь с жизненным циклом индивида. Жизненные события, например завершение образования, брак или развод, рождение детей и др., могут приводить к миграционной активности человека [6]. Дополняет предыдущие выводы исследование российского автора [7], в котором показано, что межрегиональные различия возрастной структуры потоков трудовых мигрантов внутри России связаны с от-

раслевой структурой экономики регионов-доноров и регионов-реципиентов. Демографическая ситуация в регионах с преобладанием ресурсного сектора экономики в перспективе может развиваться в направлении суженного воспроизводства, что объясняется распространением вахтового метода работы. В большинстве работ, рассматривающих динамику и мотивы миграционной активности населения, объектом исследования выступает молодёжь в возрасте 18–29 лет [8–11], что объясняется её высокой миграционной активностью.

Миграция определяла количественный и качественный характер населения Дальнего Востока, начиная с середины XIX века. Исследование миграционных процессов в регионе в различных работах представлено в рамках экономического, социологического, антропологического, демографического подходов. А. С. Ващук использует понятие «дальневосточный комплекс», включающий ряд событий в период с 1945 по 1980 гг., в результате которых был реализован, так называемый, «дальневосточный фактор». Этот фактор реализовывался через политически организованные кампании и обеспечил перераспределение населения в стране, обеспечив рост численности населения на Дальнем Востоке. Население региона пополнили специалисты с инженерными и рабочими профессиями, необходимыми для его экономики. Кроме того, дальневосточный фактор проявился в более высоком естественном приросте и формировании более молодой структуры населения, чем в среднем по стране [12].

Говоря о начала XXI в., акцент меняется с положительного и расширяющегося социально-демографического вектора в область национальной безопасности, ориентированной на решение проблемы депопуляции населения макрорегиона. На современном этапе активно обсуждаются вопросы количественной оценки миграции и регионов концентрации мигрантов, выбывающих с Дальнего Востока [3; 13–15], условий и факторов миграционной активности населения [16–20], однако изучение роли

возрастной структуры населения и мигрантов остаётся недостаточным.

Отметим большое количество публикаций, посвящённых изучению миграционных настроений молодёжи регионов ДФО [11; 21; 22]. Изучение старших возрастных групп занимает небольшую долю в исследованиях, например публикации Института комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН [23; 24]. Обозначенные работы основаны на социологическом или экономическом подходе. Значительно меньше исследований представлено в рамках демографического подхода, позволяющего оценить возрастную структуру безвозвратной миграции и её влияние на возрастную структуру населения регионов Дальнего Востока.

Одним из немногих исследований изменения структуры постоянного населения регионов Дальнего Востока, является работа Г. П. Неверовой [25], в рамках которой дан прогноз возрастной структуры населения Еврейской АО с учётом возрастной структуры мигрантов. Прогнозы изменения возрастной структуры населения, оказывающих влияние на рынок труда регионов, представлены в работах М. Ю. Хавинсона и М. П. Кулакова, но авторы прогнозируют изменения возрастной структуры занятого населения [26; 27], что определяет значимость данного исследования, в первую очередь, для экономики, а не для демографии. Учитывая слабую изученность влияния возрастных профилей мигрантов на территории входа и выхода, в том числе и для Дальнего Востока, данное исследование позволит отчасти восполнить этот научный пробел.

Материалы и методы исследования

Данные Росстата включают распределение прибывших и выбывших по возрастам, субъектам ДФО и странам. Чтобы оценить тенденции миграции на современном этапе, были выбраны данные за пятилетие с 2018 по 2022 годы. В рассматриваемый период имел место кризис, вызванный пандемией COVID-19 и сопровождавшийся ограничениями на мобильность, поэтому с це-

лью устранения колебаний показателей они рассчитываются в сумме за пять лет. Для удобства интерпретации данные по возрасту мигрантов агрегированы в пятилетние диапазоны.

Поскольку при анализе миграционных процессов необходимо учитывать также численность населения соответствующей территории или соответствующей возрастной группы, то в настоящей работе используются не только абсолютные, но и относительные показатели, рассчитанные в соответствии с рекомендациями Росстата¹. Для выявления особенностей возрастной структуры миграции в регионах Дальнего Востока используется кластерный анализ методом межгрупповой связи. 11 субъектов ДФО

рассматриваются как наблюдения, а показатели для каждого из 18 возрастных диапазонов — как отдельные переменные, что позволяет построить типологию, более глубоко отражающую возрастные особенности миграции, чем простая группировка регионов по суммарным показателям для всех возрастов. Оптимальное решение (количество кластеров) определяется по значениям коэффициентов порядка агломерации. Затем анализируются средние значения по кластерам, что помогает установить закономерности, общие для той или иной группы регионов. Обработка статистической информации выполнена с помощью IBM SPSS.

Результаты

Для начала проанализируем такой показатель, как миграционный прирост (табл. 1).

Таблица 1

Миграционный прирост по пятилетним возрастным группам в сумме за 2018–2022 годы по регионам ДФО*

Table 1

Net migration by five-year age groups in total for 2018–2022 by subjects of the Far Eastern Federal District

Возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0–4	-391	899	-1882	8	-362	-192	-400	-17	-156	-447	257
5–9	-1019	112	-2304	-150	-1420	-716	-595	-300	-637	-465	29
10–14	-872	-155	-2007	-333	-1123	-915	-723	-216	-535	-413	90
15–19	-4624	-2406	-3386	-971	-3031	2574	-1565	-725	-1662	-926	-533
20–24	3558	6875	1303	2998	3852	-1331	1095	424	2678	369	536
25–29	-244	3030	-2794	882	-1451	505	-1306	-7	27	-769	296
30–34	-752	2155	-3214	218	-2447	-796	-1020	-207	-511	-885	158
35–39	-625	1375	-2685	-147	-2356	-1458	-1086	-453	-714	-517	237
40–44	-673	925	-2226	-502	-2072	-1721	-757	-308	-623	-524	118
45–49	-424	804	-1717	-419	-2037	-1402	-798	-330	-480	-357	108
50–54	-257	-322	-1085	-647	-1720	-1122	-734	-495	-558	-247	13
55–59	-443	-1852	-1438	-1174	-1886	-1259	-1034	-827	-900	-306	-224
60–64	-594	-1833	-1644	-1108	-1880	-1318	-1200	-840	-886	-277	-282

Возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
65–69	-525	-1142	-1301	-811	-1530	-1130	-786	-701	-692	-270	-149
70–74	-254	-460	-725	-482	-759	-681	-434	-262	-265	-149	-115
75–79	-155	-227	-300	-157	-386	-317	-223	-123	-107	-83	-32
80–84	-183	-114	-334	-90	-297	-134	-246	-104	-87	-89	-9
85+	-4	-40	-223	-36	-107	-71	-120	0	-46	-41	0

*Здесь и далее в заголовках таблиц: 1 — Республика Бурятия, 2 — Республика Саха (Якутия), 3 — Забайкальский край, 4 — Камчатский край, 5 — Приморский край, 6 — Хабаровский край, 7 — Амурская область, 8 — Магаданская область, 9 — Сахалинская область, 10 — Еврейская АО, 11 — Чукотский АО, тёмным фоном выделены ячейки, где миграционный прирост положительный.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Применение кластерного анализа к полученному набору данных о миграционном приросте в субъектах ДФО позволяет определить, что оптимальным является решение с четырьмя группами: 1) Республика Бурятия, Камчатский край, Амурская, Магаданская, Сахалинская и Еврейская автономная области, Чукотский АО — кластер регионов, для которых в среднем характерны умеренная миграционная убыль населения в возрастах 5–15 лет, выраженная убыль населения в возрасте 15–19 лет и миграционный прирост в диапазоне 20–24 года, который вновь сменяется умеренной убылью в более старших возрастах; 2) Республика Саха (Якутия) — регион с миграционным приростом населения почти во всех «молодых» возрастных группах, вплоть до предпенсионного возраста: от 0 до 9 и от 20 до 49 лет. Является лидером среди регионов ДФО по рассматриваемому показателю; 3) Забайкальский и Приморский края — регионы, которые отличаются значительная миграционная убыль во всех возрастных группах, кроме молодого трудоспособного возраста 20–24 года. Могут рассматриваться как аутсайдеры миграционного движения населения; 4) Хабаровский край — единственный регион ДФО, где фиксируется заметный миграционный прирост населения в возрасте 15–19 лет. Небольшое приращение миграция также даёт в возрастной группе 25–29 лет. В остальных возрастных группах наблюда-

ется убыль, наиболее интенсивная среди населения 35–69 лет.

Теперь рассмотрим, какие особенности перемещений населения формируют такое сальдо миграции в каждом из регионов. Для этого проанализируем коэффициент интенсивности миграционного оборота, рассчитываемый по формуле: $Sk = Qk/Pk \times 1000$, где Qk — объём миграции (сумма числа прибывших и выбывших) в возрастной группе k ; Pk — среднегодовая численность населения в возрастной группе k (табл. 2). Все регионы Дальнего Востока характеризуются большими объёмами миграции, интенсивность которой возрастает, начиная с возрастной группы 15–19 лет, и остаётся особенно высокой до возрастов 30–39 лет в большинстве субъектов ДФО. Кластерный анализ данных коэффициента интенсивности миграционного оборота позволяет выделить следующие региональные особенности: 1) Республика Бурятия, Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области — здесь в среднем объёмы миграции умеренно большие в молодых трудоспособных возрастах от 15 до 39 лет (пик в группе 20–24 года), затем они начинают постепенно снижаться среди более старших возрастов; 2) Республика Саха (Якутия), Магаданская область — интенсивность миграционного оборота так же наиболее велика среди населения в возрастах от 15 до 39 лет с пиковыми значениями также в группе 20–24 года, однако объ-

Таблица 2

Коэффициент интенсивности миграционного оборота по пятилетним возрастным группам в сумме за 2018–2022 годы по регионам ДФО

Table 2

Intensity coefficient of migration turnover by five-year age groups in total for 2018–2022 by subjects of the Far Eastern Federal District

Возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0–4	98,0	68,9	46,6	74,1	84,1	66,0	63,7	85,9	69,3	40,8	186,9
5–9	94,7	70,5	50,0	79,9	83,2	71,6	71,3	99,7	73,0	48,2	169,1
10–14	63,3	52,0	37,3	65,5	59,9	57,9	52,0	83,0	58,4	35,3	134,6
15–19	141,6	169,1	118,6	116,6	170,2	177,5	115,0	185,9	148,8	164,4	250,5
20–24	176,3	282,7	116,1	222,0	179,5	187,7	157,3	221,2	191,2	139,9	286,1
25–29	144,7	162,2	95,8	178,5	140,0	121,0	133,8	188,1	171,6	95,2	357,5
30–34	124,9	121,8	76,6	129,9	117,1	101,1	107,9	142,4	134,3	77,5	295,9
35–39	96,1	97,5	56,9	100,5	89,4	83,3	78,5	116,3	101,5	57,1	238,9
40–44	73,9	79,5	43,3	82,8	67,9	68,8	58,8	97,9	80,8	43,4	211,5
45–49	58,6	68,7	36,4	72,0	55,0	58,6	49,1	88,1	68,0	33,9	198,3
50–54	51,5	63,7	31,8	70,1	46,9	53,3	44,0	88,3	67,1	31,9	211,2
55–59	46,2	59,9	29,8	64,6	38,8	45,7	38,8	85,9	55,9	28,4	187,0
60–64	40,2	51,3	28,5	54,4	33,0	38,1	34,6	79,1	44,1	25,9	173,9
65–69	34,4	44,8	26,4	44,9	27,8	30,1	28,7	66,8	32,8	22,2	155,4
70–74	32,4	38,4	23,9	41,3	24,7	25,8	25,5	60,3	27,9	21,3	148,7
75–79	30,5	32,4	33,2	34,9	24,6	22,8	25,2	60,7	27,6	20,5	125,0
80–84	29,1	33,9	29,0	34,4	26,6	24,1	28,8	56,3	30,5	22,4	138,2
85+	27,4	32,9	8,7	39,3	27,7	22,9	28,3	46,7	29,9	20,7	78,7

Примечание: тёмным фоном выделены ячейки, где коэффициент имеет значения больше 100.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

ёмы миграции больше, чем в первом кластере; 3) Забайкальский край и Еврейская АО — регионы с наиболее низкими показателями, причём максимально интенсивный миграционный оборот в них наблюдается в возрастах 15–19 лет; 4) Чукотский АО — регион, отличающийся самыми большими объёмами миграции относительно своего немногочисленного населения во всех возрастных группах.

Чтобы глубже понять особенности протекания миграционных процессов в регионах Дальнего Востока, оценим эффективность миграции, то есть в какой мере перемещения населения влияют в итоге на его численность и структуру. Для этого будем использовать коэффициент, рассчитанный по формуле: $W_k = M_k/Q_k \times 100\%$, где M_k — сальдо миграции (разность числа прибыв-

ших и выбывших) в возрастной группе k ; Q_k — объём миграции (сумма числа прибывших и выбывших) в возрастной группе k (табл. 3).

Кластерный анализ данных коэффициента эффективности миграции позволяет и в этом случае выделить четыре группы регионов: 1) республики Бурятия и Саха (Якутия), края Приморский и Хабаровский, области Амурская и Сахалинская, Чукотский АО — их отличает сравнительно низкая эффективность миграции населения трудоспособного возраста и младше. Значения показателя повышаются в пенсионном возрасте, когда миграция во всех регионах, входящих в данный кластер, приводит к убыли населения; 2) Забайкальский край — миграция сравнительно эффективна в возрастах младше трудоспособного, за-

Таблица 3

Коэффициент эффективности миграции по пятилетним возрастным группам в сумме за 2018–2022 годы по регионам ДФО (%)

Table 3

Migration efficiency coefficient by five-year age groups in total for 2018–2022 by subjects of the Far Eastern Federal District (%)

Возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0–4	-1,1	3,7	-11,8	0,1	-0,8	-0,7	-2,8	-0,5	-1,5	-23,6	8,5
5–9	-2,6	0,4	-11,5	-1,9	-3,0	-2,3	-3,1	-6,9	-5,7	-17,9	1,0
10–14	-3,7	-0,8	-14,6	-5,8	-3,8	-4,4	-5,6	-6,3	-6,7	-22,4	3,7
15–19	-10,9	-4,6	-8,7	-10,4	-3,7	4,3	-5,9	-10,8	-9,1	-12,9	-13,5
20–24	7,5	8,2	3,6	16,8	4,4	-2,0	3,3	6,2	11,6	6,5	13,8
25–29	-0,5	5,0	-8,4	5,1	-1,7	0,9	-4,0	-0,1	0,1	-16,5	5,8
30–34	-1,4	4,1	-9,5	1,2	-2,7	-1,3	-3,0	-2,5	-1,9	-17,8	2,6
35–39	-1,6	3,6	-10,8	-1,0	-3,4	-3,2	-4,2	-6,1	-3,4	-14,2	4,3
40–44	-2,6	3,5	-13,1	-4,7	-4,2	-5,0	-4,3	-5,1	-3,9	-19,8	2,6
45–49	-2,4	3,8	-14,1	-4,9	-5,4	-5,3	-5,9	-6,6	-3,9	-19,1	2,7
50–54	-1,9	-1,8	-12,4	-9,0	-6,2	-5,4	-7,3	-11,7	-5,6	-17,1	0,3
55–59	-3,2	-10,0	-15,6	-17,6	-7,9	-7,0	-11,0	-19,2	-10,3	-22,6	-6,5
60–64	-4,9	-12,8	-17,7	-22,0	-9,3	-8,9	-13,7	-22,0	-12,3	-21,8	-11,1
65–69	-6,5	-12,7	-18,8	-23,5	-10,0	-10,5	-12,3	-27,1	-14,1	-26,9	-10,8
70–74	-5,6	-10,6	-20,0	-22,0	-7,8	-10,3	-12,1	-19,0	-10,3	-23,8	-19,4
75–79	-7,2	-13,2	-11,7	-16,1	-6,9	-9,8	-12,0	-20,3	-9,1	-26,2	-16,5
80–84	-8,2	-7,5	-14,8	-13,4	-6,0	-4,6	-13,2	-26,5	-8,1	-30,8	-8,9
85+	-0,3	-4,5	-59,2	-12,2	-4,3	-5,1	-13,7	0,8	-8,2	-30,4	0,0

Примечание: тёмным фоном выделены ячейки, где коэффициент имеет значения больше 10% по модулю.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

тем её эффективность снижается и вновь нарастает, начиная с 35 лет. Во всех возрастах, кроме группы 20–24 года, наблюдается миграционная убыль; 3) Камчатский край, Магаданская область — в среднем наиболее эффективна миграция в возрастах 15–19 лет, приводящая к убыли населения данной возрастной группы, и в возрастах 20–24 года, дающая, напротив, миграционный прирост. Затем значения показателя увеличиваются вместе с возрастом групп и становятся наиболее высокими, начиная с 55 лет, при этом во всех возрастах от 30 лет и старше наблюдается миграционная убыль населения; 4) Еврейская АО — регион со сравнительно большой эффективностью миграции во всех возрастных группах, кроме 20–

24 лет, при этом в результате миграции наблюдается убыль населения во всех возрастах, за исключением этой группы.

Наконец, проанализируем, в каких регионах Дальнего Востока миграция играет более значимую роль в формировании структуры и численности населения. Для этого рассмотрим коэффициент интенсивности миграции, вычисляемый по формуле $S_k = M_k/P_k \times 10000$, где M_k — сальдо миграции (разность числа прибывших и выбывших) в возрастной группе k ; P_k — среднегодовая численность населения в возрастной группе k (табл. 4).

В данном случае снова оптимально выделение четырёх кластеров: 1) Республика Бурятия, Забайкальский, Приморский

Таблица 4

Коэффициент интенсивности миграции по пятилетним возрастным группам в сумме за 2018–2022 годы по регионам ДФО

Table 4

Migration intensity coefficient by five-year age groups in total for 2018–2022 by subjects of the Far Eastern Federal District

Возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0–4	-11,0	25,6	-54,7	0,9	-7,1	-4,9	-17,6	-4,6	-10,2	-96,2	159,2
5–9	-25,0	2,8	-57,3	-15,3	-24,9	-16,5	-22,1	-68,6	-41,8	-86,2	16,4
10–14	-23,4	-4,2	-54,2	-37,9	-22,6	-25,6	-29,0	-52,6	-39,1	-79,1	50,2
15–19	-153,9	-77,2	-102,9	-121,7	-63,5	76,0	-68,2	-200,3	-135,7	-211,8	-339,3
20–24	133,0	230,5	41,9	373,8	78,8	-38,0	51,3	137,1	221,9	90,9	395,6
25–29	-7,8	81,9	-80,1	90,8	-24,0	11,1	-54,1	-1,8	2,0	-157,2	208,6
30–34	-17,8	49,6	-72,5	15,8	-31,4	-13,5	-32,0	-36,0	-25,9	-138,3	77,8
35–39	-15,3	34,7	-61,4	-10,4	-30,4	-26,3	-33,3	-71,3	-34,6	-80,8	102,8
40–44	-19,2	27,5	-56,7	-39,3	-28,3	-34,3	-25,0	-49,5	-31,2	-86,0	54,5
45–49	-14,3	26,1	-51,3	-34,9	-29,6	-30,8	-29,1	-58,1	-26,7	-64,7	54,1
50–54	-10,0	-11,2	-39,5	-62,9	-28,9	-29,0	-32,0	-103,1	-37,3	-54,6	7,1
55–59	-14,9	-59,7	-46,4	-113,9	-30,5	-31,8	-42,5	-164,6	-57,7	-64,3	-120,8
60–64	-19,8	-65,8	-50,6	-119,6	-30,9	-34,1	-47,5	-174,4	-54,1	-56,4	-193,0
65–69	-22,4	-56,8	-49,6	-105,4	-27,8	-31,5	-35,4	-180,8	-46,1	-59,7	-168,4
70–74	-18,3	-40,7	-47,8	-91,1	-19,2	-26,5	-30,7	-114,7	-28,8	-50,7	-288,4
75–79	-22,0	-42,7	-39,0	-56,2	-17,1	-22,4	-30,3	-123,3	-25,0	-53,7	-206,2
80–84	-23,9	-25,4	-42,9	-45,9	-15,8	-11,0	-37,8	-149,3	-24,7	-69,0	-123,1
85+	-0,8	-14,9	-51,3	-47,8	-12,0	-11,7	-38,7	3,5	-24,6	-63,0	0,0

Примечание: тёмным фоном выделены ячейки, где коэффициент имеет значения больше 100 по модулю.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

и Хабаровский края, Амурская, Сахалинская и Еврейская автономная области — где миграция не отличается большой интенсивностью. В среднем имеет место умеренный миграционный прирост в группе 20–24 года, в остальных возрастах — убыль, также не слишком большая относительно постоянного населения; 2) Республика Саха (Якутия) и Камчатский край — регионы, где в среднем отмечается интенсивная миграционная убыль в возрастах 15–19 лет, выраженный прирост относительно общей численности населения в молодых трудоспособных возрастах 20–29 лет, интенсивность которого убывает к более старшим возрастным группам и сменяется миграционной убылью населения в возрастах от 40 лет и старше; 3) Магаданская область — регион

с достаточно большой эффективностью миграции. В возрастах 0–14 лет имеет место умеренная убыль населения. Её интенсивность резко возрастает в возрастной группе 15–19 лет. Однако в возрастах 20–24 года отмечается интенсивный миграционный прирост. Затем он вновь сменяется убылью, которая нарастает к более старшим возрастным группам; 4) Чукотский АО — отличается наибольшей интенсивностью миграции, которая обеспечивает прирост населения в возрастах с 0 до 14 и с 20 до 54 лет.

Наконец, рассмотрим географическое распределение миграционных потоков в регионах Дальнего Востока, выделив внутрироссийские и международные перемещения (табл. 5). В случае полученного набора данных по доле внутристрановых пере-

Таблица 5

Доля России в миграционном обороте по пятилетним возрастным группам в сумме за 2018–2022 годы по регионам ДФО (%)

Table 5

Share of Russia in migration turnover by five-year age groups in total for 2018–2022 by subjects of the Far Eastern Federal District (%)

Возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0–4	98,7	89,4	99,1	80,1	96,7	92,3	96,8	87,7	87,0	98,1	97,9
5–9	98,7	91,1	99,1	85,2	96,6	92,1	96,3	87,8	87,1	98,4	96,3
10–14	98,5	90,4	98,9	86,2	95,5	91,3	96,1	87,4	87,4	98,7	95,5
15–19	97,3	89,9	99,4	84,4	95,7	91,8	95,7	94,0	90,0	99,5	97,2
20–24	93,8	80,3	97,9	68,0	85,3	79,9	88,3	87,4	67,0	96,8	93,9
25–29	92,8	70,2	97,0	60,7	80,8	77,0	87,8	77,7	62,4	95,3	86,8
30–34	94,4	71,9	97,5	66,9	83,1	77,1	89,5	78,5	66,8	95,4	87,3
35–39	94,6	71,3	97,2	71,1	82,4	77,8	89,4	79,2	67,3	96,6	83,8
40–44	93,1	68,4	97,5	68,3	79,4	73,7	87,0	78,8	65,0	93,4	81,0
45–49	90,3	66,7	96,3	67,2	75,7	68,8	84,8	77,7	64,2	91,3	83,7
50–54	88,5	69,0	96,0	72,5	76,1	67,0	86,3	81,2	63,6	91,1	83,2
55–59	93,2	76,8	97,3	81,4	83,3	75,5	89,3	86,2	73,2	93,5	88,3
60–64	96,5	84,7	98,1	89,8	90,9	84,2	93,1	93,4	82,4	96,8	88,3
65–69	97,7	91,5	98,5	94,8	94,3	91,6	96,3	96,6	92,4	98,1	93,2
70–74	98,1	94,3	98,6	96,1	96,5	93,2	95,4	95,2	96,1	97,4	94,3
75–79	97,7	95,9	98,5	93,2	95,1	92,3	95,8	92,6	94,9	98,7	97,9
80–84	97,9	93,1	99,2	89,8	94,0	91,7	94,5	91,1	92,7	99,1	98,8
85+	98,6	94,8	99,3	84,2	95,3	94,4	95,6	83,3	89,8	96,6	100,0

Примечание: тёмным фоном выделены ячейки, где доля России составляет более 90%.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

мещений в миграционном обороте регионов Дальнего Востока оптимальным решением оказывается выделение трёх кластеров: 1) Республика Бурятия, Забайкальский край, Еврейская АО — доля России в миграционном обороте высока (90% и более) во всех возрастных группах; 2) Республика Саха (Якутия), Камчатский и Хабаровский края, Сахалинская область — сравнительно низкая доля внутрироссийских перемещений, особенно в трудоспособных возрастах, где она опускается в среднем ниже 70%; 3) Приморский край, Амурская и Магаданская области, Чукотский АО — в среднем доля России высока в возрастах младше 20 лет и старше трудоспособного (более 90%), однако в трудоспособном возрасте она снижается не столь значительно, как во втором кластере (в среднем лишь до 80%).

Выделение кластеров по доле внутрироссийских потоков миграции отражает более высокую роль международной миграции в структуре миграции регионов, формирующих кластер 2. Для первого кластера характерна абсолютное преобладание внутрироссийских потоков, что связано с относительно низким экономическим развитием указанных субъектов и меньшей привлекательностью для мигрантов из зарубежных стран.

Выводы

Подводя итоги проведённому исследованию, объединим в группы регионы, которые обладают наибольшим сходством по всем рассмотренным нами показателям. В качестве переменных используем сово-

купность всех рассмотренных нами показателей, которые стандартизируем методом z-оценки (рис. 1).

Исходя из построенной дендрограммы, дадим характеристику следующим кластерам.

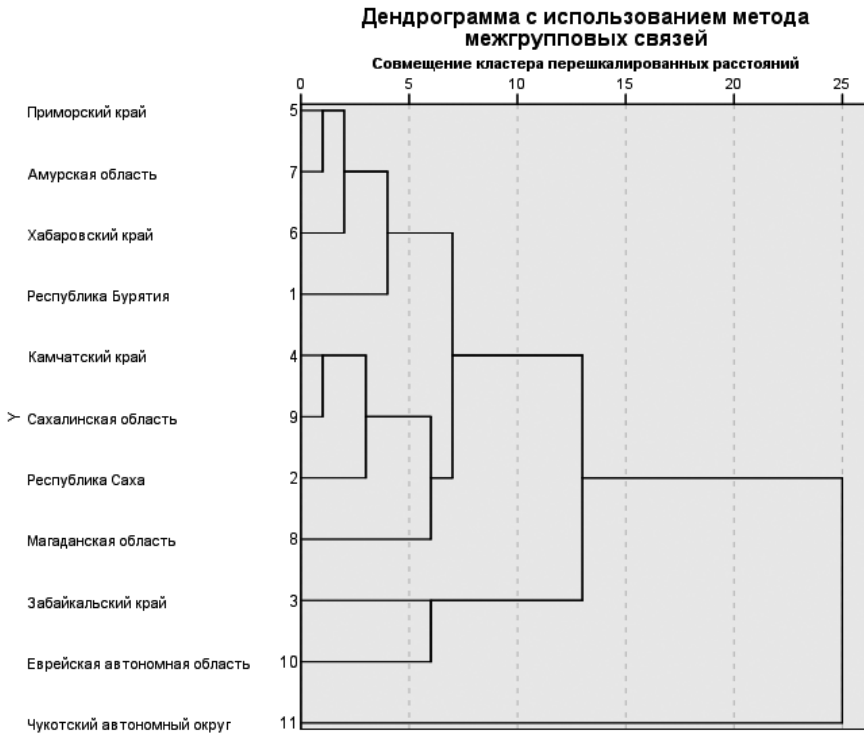

Рис. 1. Дендрограмма регионов ДФО

Fig. 1. Dendrogram of the subjects of the Far Eastern Federal District

Источник: расчёты авторов в IBM SPSS.

1. Чукотский АО — выделяется по целому ряду показателей: 1) миграционный приток в большей части возрастных групп — от 0 до 15 и от 20 до 54 лет; 2) самая высокая мобильность населения среди регионов Дальнего Востока; 3) наиболее выраженными результатами миграции являются сокращение населения в возрастах 15–19 и старше трудоспособного возраста; 4) наиболее сильное влияние на возрастную структуру населения миграция оказывает за счёт этих изменений, но также за счёт притока населения в трудоспособных возрастах; 5) доля внутрироссийских перемещений населения высока, но снижается в трудоспособных возрастах.

2. Забайкальский край и Еврейская АО — эти регионы характеризуют: 1) миграционная убыль населения во всех возрастных группах, кроме 20–24 лет; 2) в целом низкая мобильность населения с максимумом в возрастном диапазоне 15–24 лет; 3) высокая эффективность миграции, показатели которой уменьшаются в младших трудоспособных возрастах и вновь увеличиваются вместе с возрастом населения; 4) наибольшее влияние миграции на возрастную структуру населения за счёт его сокращения в молодых возрастах 15–19 и 24–34 года; 5) максимальная среди регионов Дальнего Востока доля внутрироссийских перемещений во всех возрастах.

3. Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области — эти регионы: 1) сильно дифференцированы по показателям миграционного прироста: от абсолютного лидера Якутии, через Камчатку, где прирост достигается в возрастных интервалах 0–4 и 20–34 лет и до Магаданской и Сахалинской областей, где основной прирост обеспечивает группа 20–24 года и в целом наблюдается значимая миграционная убыль; 2) во всех регионах наблюдается высокая мобильность населения в возрастах от 15 до 35–39 лет; 3) миграция приводит к выраженной убыли населения в возрастах от 55 лет и старше; 4) наибольшее влияние на возрастную структуру населения миграции оказывает в диапазонах 15–19 (убыль) и 20–24 года (прирост); 5) сравнительно небольшая доля внутрисоссийских перемещений, которая достигает своего минимума в трудоспособных возрастах.

4. Республика Бурятия, Приморский и Хабаровский края, Амурская область — эти регионы отличаются: 1) наибольшая миграционная убыль населения по всех возрастных группах (кроме молодёжи 20–24 года и 15–19 лет в Хабаровском крае); 2) средняя мобильность населения, которая повышается в интервале 15–34 года; 3) как наиболее выраженный эффект миграции — сокращение населения в пенсионном возрасте; 4) сравнительно небольшое влияние миграции на возрастную структуру постоянного населения; 5) значительная доля России в перемещениях населения, которая особенно высока в возрастах младше и старше трудоспособного.

Интерпретируя полученные результаты, с опорой на теорию жизненного пути

[7] можно сформулировать ряд гипотез. Так, большинство регионов Дальнего Востока вне зависимости от результативности миграционных процессов объединяет выбытие молодёжи 15–19 лет предположительно для получения образования, приток населения в молодом трудоспособном возрасте (20–24 года) предположительно с целями трудоустройства и интенсивный отток мигрантов предпенсионного и пенсионного возраста после завершения трудовой деятельности, что может быть связано с неблагоприятными климатическими условиями.

Некоторые регионы ДФО (Приморский и Хабаровский края) выступают как своего рода транзитные пункты, куда прибывает и откуда выбывает значительное количество населения, особенно в молодых трудоспособных возрастах (большой миграционный оборот), причём приток в во многом компенсирует отток населения (низкая эффективность миграции), за исключением пенсионных возрастов, в которых население покидает регионы безвозвратно. В силу большой численности постоянного населения, влиянием миграции на возрастную структуру невелико (небольшая интенсивность миграции). Такие регионы привлекают не только российских граждан, но и иностранных мигрантов, преимущественно в трудоспособном возрасте и, вероятно, прибывающих с целью трудоустройства. Для проверки этих гипотез планируется продолжить исследования с привлечением массива данных о распределении мигрантов по возрастам, причинам смены места жительства и территориям выхода и вселения.

Литература и Интернет-источники

1. **Рязанцев, С. В.** Миграция в контексте демографического развития российского Дальнего Востока / С. В. Рязанцев, Е. М. Моисеева // Вестник Российской академии наук. — 2022. — Т. 92. — № 2. — С. 150–161. DOI: 10.31857 / S0869587321030075; EDN: FDUYPD
2. **Мотрич, Е. Л.** Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока / Е. Л. Мотрич // Уровень жизни населения регионов России. — 2022. — Т. 18. — № 1. — С. 27–40. DOI: 10.19181 / Ispr.2022.18.1.2; EDN: SBQNTL
3. **Мищук, С. Н.** Трансформация международной трудовой миграции на Дальнем Востоке России в постсоветский период / С. Н. Мищук // География и природные ресурсы. — 2023. — Т. 44. — № 4. — С. 137–147. DOI: 10.15372 / GIPR20230414; EDN: UQFICT

4. **Мотрич, Е. Л.** Миграция в демографическом развитии Дальнего Востока России: проблемы и социальные последствия / Е. Л. Мотрич, Ю. В. Березутский // Социальная политика и социология. — 2018. — Т. 17. — № 2(127). — С. 141–150. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-2-141-150; EDN: VLIGIT
5. **Воробьева, О. Д.** Рынок труда и миграция населения Дальнего Востока / О. Д. Воробьева // Уровень жизни населения регионов России. — 2017. — № 2(204). — С. 35–40. EDN: YQYTVZV
6. **Raymer, J.** Modelling the Age and Sex Profiles of Net International Migration / J. Raymer, Q. Guan, T. Shen, S. Hertog, P. Gerland // United Nations, Department of Economics and Social Affairs, Population Division, Technical Paper No. UN DESA / POP / 2023 / TP / No.7. — New York : United Nations, 2023. — 34 p.
7. **Мкртчян, Н. В.** Возрастной профиль внутрirosсийской трудовой миграции и иных форм пространственной мобильности населения / Н. В. Мкртчян // Региональные исследования. — 2018. — № 1(59). — С. 72–81. EDN: UPGPKI
8. **Реутов, Е. В.** Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции / Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, И. В. Шавырина // Социологические исследования. — 2020. — № 6. — С. 61–71. DOI: 10.31857/S013216250009480-1; EDN: IBLGQK
9. **Гольцова, Е. В.** Миграционное поведение молодёжи Иркутской области / Е. В. Гольцова // Социологические исследования. — 2017. — № 5. — С. 103–109. EDN: YQRHGI
10. **Халикова, С. С.** Жизненные стратегии дальневосточной молодёжи / С. С. Халикова // Власть и управление на Востоке России. — 2022. — № 1(98). — С. 117–124. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-98-1-117-124; EDN: TVKOPG
11. **Березутский, Ю. В.** Социальная активность молодёжи региона: социологический анализ / Ю. В. Березутский. — Хабаровск : Дальневосточный институт управления — филиал РАНХиГС, 2019. — 174 с. EDN: AZMERY
12. **Vaschuk, A. S.** Far Eastern factor in the socio-demographic processes in Russia in the second half of the XX century / A. S. Vaschuk // Russia and the Pacific. — 2012. — No. 3(77). — P. 80–90. EDN: PMIVDZ
13. **Рыбаковский, О. Л.** Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Народонаселение. — 2019. — Т. 22. — № 3. — С. 4–14. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00023; EDN: TKGVHP
14. **Zorin, D. P.** Migration processes in the Russian Far East: main trends, structure and consequences / D. P. Zorin, V. A. Medved // Labour and Social Relations Journal. — 2023. — Vol. 34. — No. 4. — P. 159–172. DOI: 10.20410/2073-7815-2023-34-4-159-171; EDN: KOWALO
15. **Синькевич, Я. Ю.** Демографическая и миграционная ситуация на Дальнем Востоке России: ретроспектива и современность (на примере Приморского края) / Я. Ю. Синькевич // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2013. — № 4(22). — С. 186–198. EDN: SAKPDN
16. **Симагин, Ю. А.** Демографические проблемы геостратегических территорий Дальнего Востока России / Ю. А. Симагин, Д. Д. Муртузалиева // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 4. — С. 153–160. DOI: 10.19181/population.2020.23.4.14; EDN: ZWQAKK
17. **Храмова, М. Н.** Российский Дальний Восток: уйти нельзя остаться. Инфраструктура как фактор миграционной привлекательности регионов ДФО / М. Н. Храмова, А. И. Тышкевич // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. — 2021. — № 4–5. — С. 65–81. DOI: 10.26653/2076-4650-2021-4-5-06; EDN: CYNNZF
18. **Авдеев, Ю. А.** Фактор миграции в демографическом развитии российского Дальнего Востока / Ю. А. Авдеев // Миграция и социально-экономическое развитие. — 2017. — Т. 2. — № 3. — С. 125–140. DOI: 10.18334/migration.2.3.38976; EDN: PWDXFN
19. **Кутовая, С. В.** Миграционные настроения населения Еврейской автономной области / С. В. Кутовая // Социологические исследования. — 2014. — № 6(362). — С. 134–136. EDN: SHWXVD

20. **Макар, С. В.** Пространственное развитие Дальнего Востока России: демографические и социально-экономические факторы / С. В. Макар, А. В. Ярашева, Ю. А. Симагин // *Народонаселение*. — 2021. — Т. 24. — № 1. — С. 117–130. DOI: 10.19181 / population.2021.24.1.11; EDN: BIREHT
21. **Абросимова, Е. Е.** Миграционные настроения современной молодежи Приморского края / Е. Е. Абросимова, Э. У. Ягафарова // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. — 2022. — Т. 14. — № 3(56). — С. 189–198. DOI: 10.24866 / VVSU / 2073-3984 / 2022-3 / 189-198; EDN: KVBONS
22. **Зубков, В. В.** Миграционный потенциал молодежи в системе мер государственной региональной политики / В. В. Зубков // *Власть и управление на Востоке России*. — 2019. — № 1(86). — С. 147–155. EDN: ZUHLOQ
23. **Аверина, Ю. Н.** Старожилы Дальнего Востока о возможностях укоренения населения в регионе / Ю. Н. Аверина, С. В. Кутовая, В. Н. Никитенко, С. А. Соловченков // *Региональные проблемы*. — 2016. — Т. 19. — № 2. — С. 75–79. EDN: WALYYN
24. **Никитенко, В. Н.** Детерминанты укоренения населения на российском Дальнем Востоке / В. Н. Никитенко // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. — 2016. — № 1(36). — С. 87–93. EDN: VUXAIN
25. **Неверова, Г. П.** Тенденции процесса миграции в регионе с учетом возрастной структуры населения / Г. П. Неверова // *Региональные проблемы*. — 2010. — Т. 13. — № 2. — С. 117–121. EDN: TPXSIB
26. **Хавинсон, М. Ю.** Моделирование динамики численности возрастных групп занятых в южных регионах Дальнего Востока России / М. Ю. Хавинсон, М. П. Кулаков // *ЭКО*. — 2017. — № 2(512). — С. 146–152. EDN: XRPRAN
27. **Хавинсон, М. Ю.** Моделирование нелинейной динамики уровня занятости в регионе (на примере регионов юга Дальнего Востока России) / М. Ю. Хавинсон // *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*. — 2017. — Т. 12. — № 4. — С. 575–591. DOI: 10.17072 / 1994-9960-2017-4-575-591; EDN: ZXFQDH

Сведения об авторах:

Моисеева Евгения Михайловна, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7571-2369; РИНЦ SPIN-код: 6995-4829.

Мищук Светлана Николаевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: svetamic79@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8117-6352; РИНЦ SPIN-код: 4557-0664.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-18-33

REGIONAL CHARACTERISTICS OF MIGRATION AGE STRUCTURE IN THE RUSSIAN FAR EAST

Evgenia M. Moiseeva*, Svetlana N. Mishchuk

*Institute for Demographic Research FCTAS RAS
(6 bld 1, Fotievoy str., Moscow, Russia, 119333)*

**E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru*

Funding:

The reported study was funded by RSF, project No. 24–28–01046. URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01046/>.

For citation:

Moiseeva E. M., Mishchuk S. N. Regional characteristics of migration age structure in the Russian Far East. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 18-33. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-18-33 (in Russ.)

Abstract. *The relevance of the research is due to the large role of migration in population formation in the Far East of Russia against the background of its continuing decline. Quantitative and qualitative analysis of target groups including certain age groups of the permanent population and migrants increases the effectiveness of migration policy enhancing its targeting. The article is based on a demographic approach, which allows us to assess changes and the relationship of the main demographic characteristics of different categories of the population of the Russian Far East. The purpose of the research is to study the age profile of migrants and the impact of migration on the age structure of the permanent population of the regions of the Far East at the present stage. The empirical base is the array of secondary data from Rosstat for 2018–2022 with details by age, subjects of the Far Eastern Federal District and territories of the origin and destination of migrants. To process the data, the authors use statistical methods: analysis of absolute and relative values, calculation of coefficients, cluster analysis. The selected groups of regions reflect general trends and specific features in the migration of population in different ages: the level of territorial mobility, volumes and directions of movements, the effectiveness of these processes, the degree of their influence on the age structure of the resident population. The results obtained made it possible to identify regional features of the migration age profile in the Far Eastern Federal District and assess its role in the formation of the permanent population, as well as formulate a number of hypotheses regarding the likely factors determining the intensity and directions of population movements of different age groups in the considered regions of the Far East. It is shown that most regions, regardless of the effectiveness of migration processes, are united by the departure of young people aged 15–19 years, the influx of the population at young working age (20–24 years and older), and the intensive outflow of migrants of pre-retirement and retirement age after completion of their working career.*

Keywords: *migration, resident population, age structure, cluster analysis, regional characteristics, Far East.*

References and Internet sources

1. Ryazantsev S. V., Moiseeva E. M. Migratsiya v kontekste demograficheskogo razvitiya rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Migration in the context of the demographic development of the Russian Far East]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*. 2022. Vol. 92. No. 2. P. 150–161. DOI: 10.31857/S0869587321030075 (in Russ.)
2. Motrich E. L. Migratsiya v demograficheskom razvitii rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Migration in the demographic development of the Russian Far East]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2022. Vol. 18. No. 1. P. 27–40. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.2 (in Russ.)
3. Mishchuk S. N. Transformatsiya mezhdunarodnoy trudovoy migratsii na Dal'nem Vostoke Rossii v postsovetskiiy period [Transformation of international labor migration in the Russian Far East in the post-Soviet period]. *Geografiya i prirodnyye resursy [Geography and Natural Resources]*. 2023. Vol. 44. No. 4. P. 137–147. DOI: 10.15372/GIPR20230414 (in Russ.)
4. Motrich E. L., Berezutsky Yu. V. Migratsiya v demograficheskom razvitii Dal'nego Vostoka Rossii: problemy i sotsial'nyye posledstviya [Migration in the demographic development of the Russian Far East: problems and social consequences]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya [Social Policy and Sociology]*. 2018. Vol. 17. No. 2(127). P. 141–150. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-2-141-150 (in Russ.)

5. Vorobyova O. D. Rynok truda i migratsiya naseleniya Dal'nego Vostoka [Labor market and migration in the Far East]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2017. No. 2(204). P. 35–40. (in Russ.)
6. Raymer J. et al. *Modelling the Age and Sex Profiles of Net International Migration*. UN Department of Economics and Social Affairs, Population Division. Technical paper No. UN DESA/POP/2023/TP/No.7. New York. UN. 2023. 34 p.
7. Mkrtchyan N. V. Vozrastnoy profil' vnutrirossiyskoy trudovoy migratsii i inykh form prostranstvennoy mobil'nosti naseleniya [Age profile of Russian internal labor migration and other forms of spatial population mobility]. Regionalnyye Issledovaniya [Regional Studies]. 2018. No. 1(59). P. 72–81. (in Russ.)
8. Reutov E. V., Reutova M. N., Shavyrina I. V. Zhiznennyy uspekhn i shansy na yego dostizheniye v predstavleniyakh zhitel'ey rossiy'skoy provintsii [Life success and chances for its achievement in the representations of the inhabitants of the Russian province]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]. 2020. No. 6. P. 61–71. DOI: 10.31857/S013216250009480-1 (in Russ.)
9. Goltsova E. V. Migratsionnoye povedeniye molodozhi Irkutskoy oblasti [Migration behavior of young people in Irkutsk oblast]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]. 2017. No. 5. P. 103–109. (in Russ.)
10. Khalikova S. S. Zhiznennyye strategii dal'nevostochnoy molod'ozhi [Life strategies of Far Eastern youth]. Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii [Power and Administration in the East of Russia]. 2022. No. 1(98). P. 117–124. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-98-1-117-124 (in Russ.)
11. Berezutsky Yu. V. Sotsial'naya aktivnost' molod'ozhi regiona: sotsiologicheskiy analiz [Social Activity of the Region Youth: Sociological Analysis]. Khabarovsk. Dal'nevostochnyy institut upravleniya — filial RANKhiGS [Far Eastern Institute of Management — Branch of RANEPa]. 2019. 174 p. (in Russ.)
12. Vaschuk A. S. Far Eastern factor in the socio-demographic processes in Russia in the second half of the XX century. [Russia and the Pacific]. 2012. No. 3(77). P. 80–90.
13. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Migratsionnaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii v nachale 21 veka [Migration situation in the Far East of Russia at the beginning of the 21st century]. Narodonaselenie [Population]. 2019. Vol. 22. No. 3. P. 4–14. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00023 (in Russ.)
14. Zorin D. P., Medved V. A. Migration processes in the Russian Far East: main trends, structure and consequences. [Labour and Social Relations]. 2023. Vol. 34. No. 4. P. 159–172. DOI: 10.20410/2073-7815-2023-34-4-159-171.
15. Sinkevich Ya. Yu. Demograficheskaya i migratsionnaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii: retrospektiva i sovremennost' (na primere Primorskogo kraya) [Demographic and migration situation in the Far East of Russia: retrospective and nowadays (Primrosy region as an example)]. Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa [The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service]. 2013. No. 4(22). P. 186–198. (in Russ.)
16. Simagin Yu. A., Murtuzaliev D. D. Demograficheskiye problemy geostrategicheskikh territoriy Dal'nego Vostoka Rossii [Demographic problems of geostrategic territories of the Russian Far East]. Narodonaselenie [Population]. 2020. Vol. 23. No. 4. P. 153–160. DOI: 10.19181/population.2020.23.4.14 (in Russ.)
17. Khramova M. N., Tyshkevich A. I. Rossiyskiy Dal'niy Vostok: uyt i nel'zya ostat'sya. Infrastruktura kak faktor migratsionnoy privilekatel'nosti regionov DFO [The Russian Far East: leave or stay. Infrastructure as a factor of migration attractiveness of the Far Eastern Federal District]. Nauchnoye obozreniye. Seriya 1: Ekonomika i pravo [Scientific Review. Series 1. Economics and Law]. 2021. № 4–5. P. 65–81. DOI: 10.26653/2076-4650-2021-4-5-06 (in Russ.)
18. Avdeev Yu. A. Faktor migratsii v demograficheskom razvitiy rossiy'skogo Dal'nego Vostoka [Migration factor in the demographic development of the Russian Far East]. Migratsiya i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye [Migration and Socio-Economic Development]. 2017. Vol. 2. No. 3. P. 125–140. DOI: 10.18334/migration.2.3.38976 (in Russ.)

19. Kutovaya S. V. Migratsionnyye nastroyeniya naseleniya Yevreyskoy avtonomnoy oblasti [Migration intentions of the population of the Jewish Autonomous Oblast]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2014. No. 6(362). P. 134–136 (in Russ.)
20. Makar S. V., Yarasheva A. V., Simagin Yu. A. Prostranstvennoye razvitiye Dal'nego Vostoka Rossii: demograficheskiye i sotsial'no-ekonomicheskiye faktory [Spatial development of the Russian Far East: demographic and socio-economic factors]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 1. P. 117–130. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.11 (in Russ.)
21. Abrosimova E. E., Yagafarova E. U. Migratsionnyye nastroyeniya sovremennoy molod'ozhi Primorskogo kraya [Migration intentions of modern youth in Primorsky Krai]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa [The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service]*. 2022. Vol. 14. No. 3(56). P. 189–198. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2022-3/189-198 (in Russ.)
22. Zubkov V. V. Migratsionnyy potentsial molod'ozhi v sisteme mer gosudarstvennoy regional'noy politiki [Migration potential of youth in the system of state regional policy measures]. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii [Power and Administration in the East of Russia]*. 2019. No. 1(86). P. 147–155. (in Russ.)
23. Averina Yu. N., Kutovaya S. V., Nikitenko V. N., Solovchenkov S. A. Starozhily Dal'nego Vostoka o vozmozhnyakh ukoreneniya naseleniya v regione [Opinion of the Russian Far East residents of the conditions for settling down in the region]. *Regional'nyye problemy [Regional Problems]*. 2016. Vol. 19. No. 2. P. 75–79. (in Russ.)
24. Nikitenko V. N. Determinanty ukoreneniya naseleniya na rossiyskom Dal'nem Vostoke [Acceleration determinants of the population of the Russian Far East]. *Oikumena. Regional'nyye issledovaniya [Oikumena. Regional Researches]*. 2016. No. 1(36). P. 87–93. (in Russ.)
25. Neverova G. P. Tendentsii protsessa migratsii v regione s uchotom vozrastnoy struktury naseleniya [Migration trends in the Jewish Autonomous Oblast based on the population age structure]. *Regional'nyye problemy [Regional Problems]*. 2010. Vol. 13. No. 2. P. 117–121. (in Russ.)
26. Khavinson M. Yu., Kulakov M. P. Modelirovaniye dinamiki chislennosti vozrastnykh grupp zanyatykh v yuzhnykh regionakh Dal'nego Vostoka Rossii [Modeling the Dynamics of the Number of Age Groups Employed in the Southern Regions of the Russian Far East]. *EKO [ECO]*. 2017. No. 2(512). P. 146–152. (in Russ.)
27. Khavinson M. Yu. Modelirovaniye nelineynoy dinamiki urovnya zanyatosti v regione (na primere regionov yuga Dal'nego Vostoka Rossii) [Modeling of nonlinear dynamics of employment rate in a region (in the case study of the regions of the south of the Russian Far East)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika [Perm University Herald. Economy]*. 2017. Vol. 12. No. 4. P. 575–591. DOI: 10.17072/1994-9960-2017-4-575-591 (in Russ.)

Information about the authors:

Moiseeva Evgenia Mikhailovna, Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7571-2369; Elibrary SPIN-code: 6995–4829.

Mishchuk Svetlana Nikolaevna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: svetamic79@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8117-6352; Elibrary SPIN-code: 4557–0664.

Статья поступила в редакцию 23.03.2024, утверждена 01.11.2024, опубликована 30.12.2024.